

ИСТОРИЯ ВАЛЕНТИНЫ ЗВЕРЕВОЙ

Зверева Валентина Борисовна

*Зверева Валентина
Борисовна*

Моя бабушка Валентина Борисовна родилась в 1929 году, была из семьи священника, служившего в селе Владыкино Опеченского Посада. Дедушка — Ловцов Михаил Михайлович был инженером. Мы жили недалеко от 7-го завода «Дизель», занимали двухэтажный особняк. Дед ходил в белых перчатках, у него был кучер Агап — матюжник. Отец работал на механическом заводе нормировщиком, был руководителем духового оркестра, игравшего по вечерам в Летнем саду. В 1933 году в город приехали молодые специалисты: Гершкович, Капитониров, Конарев, Дерновский и другие и заняли руководящие места на своей работе. В 1934 году дед умер.

22 июня 1941 года я была в пионерском лагере, выступала на концерте в деревне Речка. От деревенских мальчишек узнала о начале войны. Через день мы пошли пешком до станции Лыкошино, а оттуда добрались до Боровичей на поезде. Через неделю отца взяли на фронт, в июле от него получили два письма. Потом пришло письмо от дяди, что отец был ранен и попал в госпиталь. В 1942 году он пропал без вести. Сначала нам карточек не давали, сказали эвакуироваться в Мошенское, но там не было работы и мы вернулись в Боровичи. Мама пошла работать санитаркой в госпиталь, где раньше была гостиница. Тётки уже работали в другом госпитале. Подруга Надя Головченко привела к нам

в дом жить двух медсестёр из Белоруссии: Аню и Лиду. Они работали в госпитале с хирургом Шиховым, приносили бумажные пакеты с окровавленными гнойными со вшами бинтами. Бабушка топила печку, засыпала в котел щелок, который делала сама из золы. Бинты кипятила, а я гладила и сворачивала их, носила в госпиталь. Доктор Шихов говорил: «Плотно закатывай». Бабушке за бинты иногда приносили сахар. Город был затемнён, окна занавешены, немецкие самолёты летали низко и очень часто. Был приказ: сараи отнести на п метров, заборы снять. Сняли. На улице Реппо в доме №1 была комендатура, откуда нам присылали военных на ночлег. Мы спали на плите. Голодали. С братом собирали на полях постыши, траву разную и жевали. Нам, детям, давали 250 грамм хлеба в день. Я училась в 6-й школе. В школу ходила когда как. С подружкой Валеё Бычковой по вечерам ходили в госпиталь в ю-ю школу. Здесь были очень тяжёлые раненые, только стон стоял. Мы с ней пели песни, особенно часто: «Мы едем, едем, едем в далёкие края, весёлые соседи, хорошие друзья». Я читала стихи «Железная дорога» Некрасова. Тетрадей было мало. Я вырывала пустые листы из книг, учебников, писала под диктовку письма. Учительница Екатерина Степановна спрашивала: «Уроки выучила? Опять поздно легла спать, опять в госпитале была?» — «Да».

Одному солдату написала в Чернигов. Пришла через несколько дней, больной умер. Раненые звали: «Доченька, доченька подойди». Давали сахару, булки, говорили: «Заверните в бумажку». Мы не брали. Несколько раз раненому писала в Омск для Ани Панасюк, а потом он умер, были отняты ноги. Писали письма, а у самих слёзы на глазах. Придёшь в госпиталь, то этого нет, то другого. Идём, плачем, говорим: «Придут ли обратно письма?» Умирало много, их заворачивали в простыни и отвозили хоронить. Бабушка была верующей, молилась за них, ходила на кладбище. В гортеатр и госпиталь приезжали артисты Ленинградской оперетты: Фигнер, Фисенко, Стрелкова, Чегодаева... Рядом был большой сарай, там они давали концерты. Приходили раненые, а те, кто мог хоть немного ходить, держались за нас.

Летом с подругой ходили работать в совхоз. За труд иногда давали морковь, приносили домой. Бабушка мыла морковь, посылала нас в госпиталь отдавать раненым. Там, где сейчас районный дом культуры, была церковь, а за ней, ближе к реке, часовня, где был источник. Бабушка ходила туда за святой водой, наливала в кувшин, говорила: «Несите в госпиталь, вода лечебная». Раненым давали булку, а им хотелось чёрного хлеба. Бабушка один килограмм буханки разделяла на части, и мы с Люсей меняли хлеб на булку.

Потом мама стала работать в госпитале на Гверстянке. Уже в конце 1942 года я стала приходить к маме в госпиталь постоянно, помогала убирать, разносила обеды, писала письма... Вставали в 4 утра, шли пешком туда и обратно каждый день и зимой и летом. Я там работала целый день. Начальник давал паёк. Кормили неплохо. Однажды от сильных болей один раненый выбросился из окна каланчи. Поднялся шум. Все забегали, меня мама вниз не пустила. У меня был шок. Но нужда заставляла ходить в инфекционный госпиталь и было жалко маму.

После войны было очень тяжело. У нас были куры, описывали живность. Стали брать налоги даже с кустов, с деревьев. Дедушка вырубил все яблони, кусты. Кур убрали. Всё перетерпели...